
М.В. ЛЯЛИН
Развод по-драконьи,
или таверна на краю империи

Михаил Лялин

Развод по-драконьи, или Таверна на краю империи

https://litres.ru/74759907
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж-дракон привёл в дом беременную любовницу и бросил на стол бумаги о разводе. «Бесплодной пустышке» — полуразрушенный постоялый двор на краю империи. Он ждал слёз. А получил женщину, которая двадцать лет управляла ресторанами и внимательно читает всё, что подписывает. Она дописала в соглашение одну строчку, забрала бабушкин камень из кладовой и уехала в ночь.

Через три месяца к её таверне выстраивается очередь из драконов. А бывший муж понимает, что подписал, не читая.

Содержание

Развод по-драконьи, или Таверна на краю империи. Том 1 4
Введение 4
Глава 1. Развод 7
Глава 2. Северная глушь 18
Глава 3. Зверь в клетке 30
Глава 4. Мешок золота 38
Глава 5. Крыша и люди 49
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Михаил Лялин
Развод по-драконьи, или Таверна на краю империи

Развод по-драконьи, или Таверна на краю империи. Том 1

Введение

Хорошее блюдо прощает почти всё. Кроме спешки и равнодушия.

Правило старой кухни

В Империи Аэрданн правят драконы.

Не все — только Высшие Дома, в крови которых живёт зверь. Они могут принимать крылатый облик, дышать огнём и держать на своих плечах границы империи. За это им платят землями, титулами и правом решать судьбы тех, в ком нет ни капли драконьей крови.

Но у дара есть цена. Зверь внутри растёт с каждым боем. Голодает. Перегорает. Однажды он перестаёт слушаться — и тогда дракон сходит с ума. Целители называют это выгора-

нием зверя и разводят руками: лекарства нет. Сильнейших боевых драконов империи рано или поздно запирают в башнях. Или убивают — пока они не спалили город.

Женщины в Аэрданне не воюют и не правят. Они рожают наследников. А если не могут родить — их называют пустышками и тихо отправляют туда, где они не будут мешать.

Леди Элиана Тернвальд, жена лорда-инквизитора, три года не могла подарить мужу сына. В тот вечер, когда муж привёл в дом беременную любовницу и бросил на стол бумаги о разводе, она должна была расплакаться, упасть на колени и умолять.

Но в её теле уже была другая женщина.

Марина Ветлугина двадцать лет простояла у плиты. Начинала посудомойкой в портовой столовой, закончила управляющей сетью ресторанов, где столик бронировали за месяц. Она пережила банкротство, предательство партнёра, двух неудачных мужей и бесчисленное количество ревизий. Она знала цену каждой копейке и каждому слову в договоре. И она точно знала: из самых дешёвых продуктов можно приготовить то, за что люди будут платить золотом. Если знаешь, как.

А в этом мире огонь, на котором готовишь, может быть живым. И блюдо, приготовленное на истинном пламени, способно успокоить даже обезумевшего дракона.

Это история о женщине, которую выбросили на край империи с полуразвалившимся постоялым двором. И о том, что

к хорошей кухне рано или поздно выстраивается очередь. Даже из драконов.

Глава 1. Развод

— Подпиши, Элиана. И не устраивай сцен. Ты же знаешь, я их не выношу.

Голос был красивым. Низким, бархатным, с ленивой хрипотцой. Таким голосом говорят мужчины, которые никогда в жизни не слышали слова «нет».

Марина Ветлугина открыла глаза.

Потолок — высокий, расписной. Пухлые амуры среди облаков. Хрустальная люстра на сорок свечей. Запах — воск, розовая вода, дорогой табак. И что-то ещё — тонкое, сладковатое. Духи. Чужие.

Она сидела в кресле. Глубоком, бархатном, тёмно-синем. Руки лежали на подлокотниках — тонкие, белые, с длинными пальцами и обручальным кольцом. Не её руки. Её руки двадцать лет резали лук, разделывали туши, хватались за раскалённые ручки сковород. На них были шрамы, мозоли и след от ожога на запястье, который она получила в двадцать два года, когда пьяный шеф швырнул в неё сотейник.

Эти руки никогда не держали ничего тяжелее чайной ложки.

А потом пришла память. Чужая. Целиком, разом, как вода из прорванной трубы.

Элиана. Леди Элиана Тернвальд, урождённая Мейрис. Двадцать шесть лет. Дочь обедневшего барона из южных

провинций. Три года назад вышла замуж за лорда Кассиана Тернвальда — лорда-инквизитора Империи Аэрданн, главу Серебряного Дома, дракона.

Три года она пыталась родить ему наследника. Три года — ничего. Лекари, целители, храмы, паломничества. Ничего.

Три года он смотрел на неё всё холоднее.

А сегодня вечером она узнала почему. Когда он вошёл в гостиную не один.

Они стояли посреди гостиной. Двое.

Кассиан — высокий, широкоплечий, светловолосый. В тёмно-сером камзоле с серебряным шитьём. На груди — знак лорда-инквизитора: серебряный дракон, обвивающий меч. Лицо — красивое, холодное, правильное, как у статуи. Глаза — светло-серые, почти прозрачные. Нечеловеческие. В глубине зрачков — едва заметный серебряный отблеск. Зверь.

И рядом с ним — девушка.

Молодая, лет двадцати. Тёмные локоны, розовые щёки, пухлые губы. Платье — бледно-розовое, кружевное, свободное в талии. Рука — на животе. Нарочито, напоказ.

Лиора Веренс. Дочь младшего советника императорской казны. Элиана видела её на балах. Хорошенькая, смешливая, всегда в окружении поклонников.

Беременная. Месяца четыре, не меньше.

Элиана, когда Кассиан привёл её в гостиную полчаса на-

зад, — увидела живот. Поняла. И не выдержала. Сердце, которое три года сжималось от каждого его холодного взгляда, — сжалось в последний раз. Она упала в кресло. И больше не поднялась.

Марина знала это. Чувствовала — как чувствуют чужую боль, которая ещё не остыла.

Элиана умерла от разбитого сердца. В буквальном смысле. И её место заняла другая.

На столе перед креслом лежали бумаги. Несколько листов плотного пергамента, исписанных красивым каллиграфическим почерком. С печатью Серебряного Дома и подписью Кассиана.

У стола стоял пожилой человек в чёрном. Семейный нотариус Тернвальдов, мэтр Остерман. Сухой, седой, с пенсне на цепочке. Он смотрел в сторону. Так смотрят люди, которым неловко присутствовать при чужом позоре.

— Элиана, — повторил Кассиан. Чуть нетерпеливо. — Ты слышишь меня?

— Слышу, — сказала Марина.

Голос был чужим. Тонким, мелодичным. Но интонация — её. Ровная, спокойная. Так она разговаривала с поставщиками, которые пытались подсунуть ей несвежую рыбу.

Кассиан чуть приподнял бровь. Видимо, ожидал другого.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда коротко. Наш брак расторгается. Причина — бесплодие супруги. Закон империи

позволяет это любому лорду Высшего Дома, если жена не принесла наследника в течение трёх лет. — Он кивнул на Лиору. — Лиора носит моего сына. Через месяц мы обвенчаемся.

Лиора улыбнулась. Мягко, сочувственно. И чуть сильнее прижала руку к животу.

— По закону, — продолжал Кассиан, — разведённой жене полагается содержание. Я не собираюсь платить тебе пожизненно. Поэтому предлагаю отступные. — Он постучал пальцем по бумагам. — Постоялый двор «Последний очаг». В Хольмгарде, Северная Марка. Достался мне от деда. Твой. Полностью. С землёй и всем, что на ней.

Марина молчала.

Память Элианы подсказала: Хольмгард. Северная Марка. Самая дальняя провинция империи. Граница. Горы, снег девять месяцев в году, гарнизоны, дикие племена горцев. Говорят, там прокляты сами земли. Говорят, туда ссылают тех, от кого хотят избавиться.

«Последний очаг». Постоялый двор, о котором Кассиан однажды обмолвился за ужином. Развалина. Двадцать лет не приносит ни гроша. Управляющий присылает отчёты раз в год — одни убытки.

— Ты уезжаешь завтра утром, — сказал Кассиан. — Карету я дам. Возьмёшь своё — платья, книги, что там у тебя ещё. Остальное принадлежит Дому.

Он протянул ей перо.

— Подписывай.

Лиора смотрела на неё. С любопытством. С плохо скрытым торжеством.

Мэтр Остерман смотрел в окно.

Кассиан — сверху вниз. С привычным холодным нетерпением.

Марина взяла бумаги.

Не перо. Бумаги.

И начала читать.

Медленно. Внимательно. Строчку за строчкой. Как читала двадцать лет договоры аренды, поставок, франшизы. Как читала брачный договор со вторым мужем — и нашла в нём пункт, который через пять лет спас её от потери всего, что она заработала.

На второй странице Кассиан шевельнулся.

— Элиана. Что ты делаешь?

— Читаю, — сказала Марина. Не поднимая глаз.

— Здесь нечего читать. Стандартное соглашение. Остерман составлял.

— Тогда мне будет недолго.

Она дочитала до конца. Перевернула последнюю страницу. Подумала.

Соглашение было стандартным. Остерман составил его хорошо. Чисто, аккуратно, без двусмысленностей. Брак расторгнут. Жене — постоялый двор с землёй. Мужу — всё

остальное. Взаимных претензий нет.

Кроме одного.

В соглашении не было ни слова о будущем.

Постоялый двор передавался Элиане. Но что будет, если постоялый двор однажды начнёт приносить доход? Если земля под ним окажется ценной? Если Элиана что-то построит, вырастит, заработает?

Закон Аэрданна — подсказала память Элианы — позволял бывшему мужу из Высшего Дома претендовать на долю имущества разведённой жены, если это имущество происходило из его рода. А постоялый двор происходил из его рода. От деда.

Сегодня это развалина. Кассиану на неё наплевать.

А завтра?

Марина подняла глаза.

— Мэтр Остерман, — сказала она. — У вас есть чернила?

Нотариус вздрогнул. Посмотрел на неё — впервые за весь вечер. Потом медленно кивнул и подвинул к ней чернильницу.

Марина взяла перо. Обмакнула. И на последней странице соглашения, под строчкой «Взаимных претензий стороны не имеют», аккуратным, ровным почерком дописала:

«Лорд Кассиан Тернвальд, а равно его наследники и Серебряный Дом, отказываются от любых имущественных претензий к постоялому двору «Последний очаг», земле под ним и всему, что будет на ней построено, произведено или

найдено, а также к любым доходам леди Элианы, полученным в будущем, — бессрочно и безусловно».

Она поставила точку. Подула на чернила. Протянула лист Кассиану.

— Подпишите это. Тогда я подпишу остальное.

Кассиан читал долго. Его светлые брови медленно ползли вверх.

Потом он засмеялся.

Не зло — искренне. Весело, запрокинув голову. Так смеются над ребёнком, который сказал что-то очень серьёзное о своих игрушках.

— Доходы, — сказал он, отсмеявшись. — Будущие доходы. С «Последнего очага». — Он посмотрел на Лиору. Лиора хихикнула. — Элиана, дорогая. Этот постоялый двор двадцать лет приносит одни убытки. Там нет крыши. Там воет ветер. Туда даже воры не заходят — нечего красть. — Он покачал головой. — Ты что, собираешься там разбогатеть?

— Собираюсь, — сказала Марина.

Кассиан перестал смеяться. Посмотрел на неё. Внимательно. Впервые за весь вечер — внимательно.

Он видел перед собой жену. Ту же, что и три года. Хрупкую, бледную, с огромными синими глазами и тонкими белыми руками. Ту, что плакала по ночам и молилась в храмах.

Но что-то было не так. В том, как она сидела. В том, как держала перо. В голосе — ровном, спокойном, без единой

дрожи.

Серебряный отблеск в его глазах — дрогнул. Зверь внутри почувствовал что-то. Не понял — что.

— Хорошо, — сказал Кассиан медленно. — Если тебе от этого станет легче.

Он взял перо. Подписал. Размашисто, с завитушкой. Под её строчкой.

Мэтр Остерман, не говоря ни слова, приложил печать Серебряного Дома. Рядом с подписью.

Потом подвинул бумаги к Марине.

Она подписала. Своё имя — чужое имя — «Элиана Мейрис». Без «Тернвальд». Уже без.

— И ещё одно, — сказала она, вставая. Ноги держали плохо — тело Элианы было слабым, непривычным к нагрузкам. Но держали.

Кассиан, уже повернувшийся к Лиоре, — обернулся.

— Что ещё?

— Камень. Бабушкин. Из моего приданого.

Кассиан нахмурился. Не понял.

— Какой камень?

— Очажный. — Марина посмотрела на него. — Чёрный диск в медной оправе. Лежит в кладовой, под кухней. Вы называли его подставкой для котлов.

Память Элианы подсказала: бабушка Элианы, баронесса Мейрис, отдала его внучке перед свадьбой. Сказала — это

сердце очага рода Мейрис. Сказала — береги. Элиана не знала, что с ним делать. Кассиан велел убрать в кладовую. Кухарка ставила на него горячие котлы — он не нагревался.

Никто не знал, что это такое.

Марина тоже не знала. Но она двадцать лет работала с поварами, которые приходили на кухню со своими ножами и не позволяли никому к ним прикасаться. И знала: если бабушка отдаёт внучке что-то со словами «это сердце очага» — это не подставка для котлов.

— Забирай, — сказал Кассиан. Равнодушно. — Хоть всю кладовую.

— Только камень, — сказала Марина.

Она пошла к двери.

— Элиана, — сказала Лиора ей в спину. Сладко, певуче. — Не держите зла. Северная Марка, говорят, очень… свежая. Для здоровья полезно.

Марина остановилась. Обернулась. Посмотрела на неё. На розовое кружевное платье. На руку на животе. На маленькие холодные глаза над пухлыми розовыми щеками.

Двадцать лет на кухне. Двадцать лет она видела таких. Хорошеньких, сладких, с маленькими холодными глазами. Они приходили официантками, улыбались шефу — и через месяц шеф увольнял лучшую повариху за кражу, которую она не совершала.

— Спасибо, — сказала Марина. Вежливо. — Берегите себя. В вашем положении нужно следить за тем, что едите.

Лиора перестала улыбаться.

Она уехала не утром. Ночью.

Собрала один сундук. Три простых платья — самых тёплых, какие нашлись в гардеробе Элианы. Шерстяной плащ. Две пары крепких башмаков. Книгу рецептов, исписанную бабушкиным почерком, — Элиана хранила её в шкатулке и никогда не открывала.

И камень.

Он оказался тяжелее, чем она думала. Чёрный, гладкий, размером с большую тарелку. В оправе из потемневшей меди, с выгравированными по краю знаками, которые она не могла прочитать. Холодный.

Марина держала его на руках в тёмной кладовой и думала.

Кухарка ставила на него горячие котлы. Он не нагревался. Никогда.

Камень, который не нагревается от огня.

Она завернула его в шерстяной плащ и положила в сундук.

Карету Кассиан дал. Старую, скрипучую, с облупившимся серебряным гербом на дверце. И кучера — пожилого, молчаливого, который, как подсказала память Элианы, когда-то возил ещё деда Кассиана.

Когда карета выехала за ворота столичного особняка Тернвальдов, Марина обернулась. Последний раз.

В окне второго этажа — свет. Силуэты двоих.

Она отвернулась.

Впереди — три недели пути. Северная Марка. Хольмгард. Развалина под названием «Последний очаг».

И чёрный камень в сундуке, который не нагревается от огня.

Глава 2. Северная глушь

Хольмгард встретил её снегом.

Не тем, что падает в столице раз в год, красиво кружась под фонарями. Другим. Тяжёлым, мокрым, бьющим в лицо, как мокрая тряпка. Ветер с гор нёс его горизонтально, через всю долину, и к концу третьей недели пути Марина уже не помнила, как выглядит небо без снега.

Город стоял в долине, у подножия хребта. Каменная стена, сторожевые башни, над воротами — чёрный флаг с серебряным когтем. Гарнизон Северного Рубежа. За стеной — дома из серого камня и тёмного дерева, с крутыми крышами, засыпанными снегом до коньков. Дым из труб. Запах угля, навоза и кислой капусты.

Тысяча жителей. Пятьсот солдат. Граница империи.

Дальше — горы. За горами — то, что в столице называли «диким краем». Племена горцев. Перевалы. Твари, которые иногда спускались с ледников. И холод.

«Последний очаг» стоял за городской стеной. На старом тракте, в полуверсте от ворот. Там, где когда-то останавливались караваны, шедшие через перевал. Караваны перестали ходить тридцать лет назад, когда перевал закрыли.

Кучер остановил карету у ворот постоялого двора. Посмотрел на Марину через окошко. Ничего не сказал. Только покачал головой.

Дом был большим. Когда-то — красивым. Два этажа, нижний — из серого камня, верхний — из потемневших брёвен. Высокое крыльцо. Резные наличники, облупившиеся до голого дерева. Вывеска над дверью — медный котёл на цепях, позеленевший, без надписи.

Крыша была. Наполовину. Левая половина — провалилась. Стропила торчали в небо, как рёбра скелета. Снег сыпался прямо на верхний этаж.

Конюшня — пустая, ворота висят на одной петле. Колодец во дворе — заколочен досками. Забор — повален.

Марина стояла у крыльца, в снегу по щиколотку, в тонком столичном плаще, и смотрела на дом.

В прошлой жизни, двадцать лет назад, она стояла так же перед своим первым рестораном. Бывшая пельменная на окраине. С протекающей крышей, крысами в подвале и долгами прежнего владельца, о которых ей не сказали. Она тогда тоже стояла в снегу и смотрела.

Через три года там бронировали столики за неделю.

— Ну что ж, — сказала она вслух. — Посмотрим.

Дверь открыл управляющий.

Невысокий, круглый, с красным носом и маленькими бегающими глазками. В добротном тулупе, в валенках, с золотой цепочкой от часов поперёк брюха. От него пахло перегаром и жареным салом.

Фалько Грибб. Тот самый, который двадцать лет присылал в столицу отчёты об убытках. Память Элианы помнила его подпись — круглую, жирную, с завитушками.

Он посмотрел на Марину. На её плащ. На сундук, который кучер сгружал с кареты. На облупившийся серебряный герб на дверце.

— Вы… — Он сглотнул. — Вы от лорда Тернвальда?

— Я — новая владелица, — сказала Марина. — Леди Элиана Мейрис. Лорд Тернвальд передал мне «Последний очаг». Вот дарственная.

Она протянула бумагу. Грибб взял её трясущимися пальцами. Прочитал. Побледнел.

— Владелица, — повторил он. — Леди. Здесь. — Он поднял на неё глаза. — Но ведь… Но ведь здесь же… Здесь нельзя жить, леди! Крыша! Холод! Я… Я сам живу в городе, у сестры!

— Вижу, — сказала Марина. — Покажите мне дом. И книги.

— Книги?

— Учётные. Приход, расход. За последние три года.

Грибб открыл рот. Закрыл. Глазки его забегали ещё быстрее.

Внутри было хуже, чем снаружи.

Общий зал — огромный, с низким потолком на дубовых балках. Длинные столы, перевёрнутые лавки. Пыль. Паути-

на. Запах сырости и мышей.

И очаг.

Марина остановилась посреди зала и смотрела на него.

Он занимал всю торцевую стену. Огромный, из тёмного камня, высотой в человеческий рост и шириной в три. Глубокий, с чугунными крюками для котлов, с вертелами, с каменными полками по бокам. Таких очагов в столице давно не строили — там топили печи и жаровни.

Очаг был холодным. Пустым. В нём не горело ничего, наверное, лет двадцать.

А в самом центре его задней стенки, на высоте пояса, в тёмном камне — круглая выемка. Неглубокая. Размером с большую тарелку. С медным ободком по краю. С выгравированными на меди знаками.

Теми же самыми, что на оправе бабушкиного камня.

Марина стояла и смотрела на выемку. Долго.

— Леди? — неуверенно позвал Грибб. — Книги… Книги в конторке. Наверху.

— Несите, — сказала Марина. Не оборачиваясь.

Книги она читала два часа. За столом в холодном зале, при свете свечи, в плаще. Грибб стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу.

Двадцать лет она проверяла чужую бухгалтерию. Поставщиков, которые завышали цены. Управляющих, которые списывали продукты, а потом продавали их на сторону. Бух-

галтеров, которые рисовали в отчётах то, чего не было.

Фалько Грибб был не самым умным из них. Но самым наглым.

— Дрова, — сказала Марина, не поднимая глаз. — «Дрова на отопление дома — сорок возов в год». Последние три года. По три серебряных за воз. — Она посмотрела на холодный очаг. — Здесь не топили двадцать лет, мастер Грибб.

Грибб открыл рот.

— «Ремонт крыши — двести серебряных». Каждый год. — Марина подняла глаза на провалившиеся стропила, видные через лестничный пролёт. — Крыша на месте?

— Это… это ветер, леди! Ветер каждую зиму…

— «Продажа дубовых балок из разобранной конюшни — купцу Ольдгерду. Сорок серебряных». — Марина перевернула страницу. — Этой записи нет в отчёте, который вы отправляли в столицу. Она есть только здесь. В вашей книге. — Она посмотрела на него. — Вы вели две книги, мастер Грибб. И забыли сжечь одну.

Грибб побелел. Потом покраснел. Потом снова побелел.

— Леди, — сказал он. Голос дрогнул. — Леди, вы не понимаете… Здесь так всё устроено. Лорд Тернвальд никогда не приезжал. Никогда не спрашивал. Я… Я же присматривал…

— Вы двадцать лет присматривали, как разваливается дом, — сказала Марина. — И продавали то, что от него отваливалось. — Она закрыла книгу. — Вы уволены, мастер

Грибб. С сегодняшнего дня.

— Вы не можете…

— Могу. Я владелица. — Она положила руку на книгу. — Эта книга останется у меня. Если вы попробуете что-нибудь вынести из этого дома, — завтра она будет у коменданта гарнизона. Вместе с отчётами, которые вы отправляли в столицу. — Пауза. — Сравнить их будет очень легко.

Грибб смотрел на неё. Долго. С ненавистью, которую уже не пытался скрыть.

Потом развернулся и вышел. Хлопнув дверью так, что с потолка посыпалась пыль.

Марина осталась одна.

В холодном зале. В темноте, при одной свече. С сундуком у двери. С четырьмя серебряными монетами в кошельке — всё, что Элиана успела взять из своих личных денег.

Снаружи выл ветер. Снег сыпался сквозь провалившуюся крышу на второй этаж. Где-то наверху скреблась мышь.

Она подошла к сундуку. Открыла. Развернула шерстяной плащ.

Чёрный камень. Холодный. Тяжёлый. В потемневшей медной оправе со знаками.

Она подняла его. Обеими руками — тонкими руками Элианы, которые дрожали от тяжести. Понесла к очагу.

Выемка в задней стенке. Медный ободок. Те же знаки.

Марина поставила камень в выемку.

Он вошёл. Точно. Будто его вынули отсюда вчера. Медь оправы легла на медь ободка — и знаки совпали. Линия к линии.

Ничего не произошло.

Марина стояла у очага. Ждала.

Ничего.

Она протянула руку. Положила ладонь на камень.

И почувствовала.

Не тепло. Что-то другое. Как будто камень — дышал. Медленно, глубоко, под её ладонью. Как спящее животное. И в ответ на её прикосновение — в её собственной груди, где-то под рёбрами, — шевельнулось что-то маленькое. Тёплое. Как искорка.

Память Элианы подсказала: бытовая магия. Слабая, почти бесполезная. Такая есть у многих женщин из обедневших дворянских родов. Подогреть воду в кувшине. Высушить мокрый платок. Зажечь свечу без огнива. Элиана умела зажигать свечи. Больше — ничего.

Искорка под рёбрами. Тёплая, крохотная.

Марина не стала её вытягивать. Не стала толкать. Она просто — положила вторую ладонь на камень. И отдала. Как отдают тепло рук замёрзшему ребёнку.

Камень вздохнул.

И в очаге — без дров, без угля, без единой щепки — вспыхнуло пламя.

Оно было не таким, как обычный огонь.

Обычный огонь — рыжий, жадный, мечущийся. Этот — ровный. Спокойный. Цвета расплавленного золота с голубоватой каймой. Он поднимался из камня — прямо из чёрной гладкой поверхности — тонкими, почти неподвижными языками. И не трещал. Не дымил. Горел тихо, как свеча в безветренной комнате.

Тепло пошло по залу. Не волной — ровно, мягко, как от большой печи. Через минуту Марина сняла плащ.

Она стояла перед очагом и смотрела на пламя.

Потом медленно, осторожно — протянула руку. Ближе. Ещё ближе.

Пламя не обжигало. Грело — сильно, ровно, — но не жгло. Будто знало, что её рука — не дрова.

Она убрала руку. Подумала. Положила ладонь обратно на край камня — на медную оправу. И подумала о том, что ей нужно меньше жара. Не сильно меньше. Чуть-чуть. Как на плите, когда убавляешь газ.

Пламя опустилось. На палец.

Она подумала: больше.

Пламя поднялось.

Марина Ветлугина, двадцать лет простоявшая у плиты, засмеялась. Тихо, одна, в пустом холодном зале постоялого двора на краю империи.

Она знала, что это такое.

Это была плита, о которой мечтает каждый повар на свете.

Огонь, который держит ровно ту температуру, которую ты хочешь. Не на градус больше, не на градус меньше. Час. Два. Десять. Сколько нужно.

В её мире для этого покупали погружные термостаты за огромные деньги и варили мясо в вакуумных пакетах. Называли это су-вид. Мясо, которое готовится при точной температуре много часов, становится таким, каким его не сделает никакая сковорода.

Здесь для этого был чёрный камень. От бабушки.

Утром она пошла на рынок. С четырьмя серебряными монетами.

Рынок Хольмгарда был маленьким и бедным. Мёрзлая репа. Сморщенная морковь. Лук. Брюква. Пучки сушёных трав, которые продавали старухи в платках. Кости на мясном ряду — по медяку за ведро: мясо срезали для гарнизона, кости никому не были нужны.

Марина купила кости. Три ведра. Репу, морковь, лук. Можжевеловые ягоды — их продавали мешками, на растопку. Связку сушёного дикого чеснока у старухи-горянки, которая смотрела на неё с подозрением. Соль.

И зайца.

Его принёс мальчишка. Лет двенадцати, тощий, рыжий, в рваном тулупе. Подошёл к ней на краю рынка, протянул тушку — свежую, ещё тёплую.

— Купите, леди, — сказал он хрипло. — Два медяка.

Утром поймал. В силок.

Марина посмотрела на зайца. Потом — на мальчишку. На его руки — красные, обмороженные, в цыпках.

— Где живёшь? — спросила она.

Мальчишка насупился.

— Нигде. — Пауза. — В казарме иногда. Солдаты пускают. Если дров принесу.

— Как зовут?

— Яшка.

Марина дала ему три медяка. Вместо двух.

— Яшка, — сказала она. — Завтра принеси ещё. Двух. Если поймаешь.

Она варила весь день.

Кости — сначала обжарить. На камне, на высоком огне, до тёмной корочки. Потом — в котёл, с водой, с овощами, с можжевельником, с диким чесноком. И — на самый тихий огонь, какой только мог держать камень. Такой, чтобы вода едва вздрагивала. Не кипела. Дрожала.

Двенадцать часов.

Зайца она разделала. Лапы — в бульон. Спинку — отдельно. Натёрла солью, можжевельником, раздавленным чесноком. Завернула в чистую тряпицу, обвязала бечёвкой, опустила в горшок с водой. И поставила горшок на край очага — туда, где пламя держало ровное, мягкое тепло. Не кипяток. Тепло тёплой ванны. Чуть горячее.

Восемь часов.

К вечеру по залу «Последнего очага» плыл запах.

Не тот, что бывает на кухне трактира — жир, лук, пригоревшее. Другой. Глубокий, тёмный, густой, как мёд. Можжевельник, дым, жареная кость, дикий чеснок, травы. Запах, от которого сводит желудок и щиплет глаза.

Он выплывал сквозь щели в стенах. Сквозь провалившуюся крышу. В морозный вечерний воздух. И ветер, дувший с гор в сторону города, — нёс его.

Через полчаса у ворот постоялого двора стояли трое солдат гарнизона. В тулупах, с копьями, в карауле на тракте. Стояли и принюхивались.

Через час — десять.

Через два — Марина вышла на крыльцо и увидела у ворот толпу. Солдаты. Горожане. Старухи с рынка. Мальчишки. Рыжий Яшка — впереди всех.

Они стояли в снегу и смотрели на дом с провалившейся крышей. Молча.

— Леди, — сказал наконец один из солдат. Пожилой, усатый, с капральскими нашивками. — Простите… А что это у вас так пахнет?

Марина посмотрела на них. На голодные лица. На покрасневшие от мороза носы.

— Ужин, — сказала она. — Миска — медяк. Хлеба нет, извините. Пока.

Капрал смотрел на неё. Потом полез в карман.

За вечер она продала шестьдесят мисок бульона. Тёмного, прозрачного, как крепкий чай, с золотыми звёздочками жира на поверхности. И двадцать кусков зайчатины — нежной, розовой внутри, тающей во рту. Солдаты ели молча, стоя, прямо в зале, у тёплого очага. Потом просили ещё.

В кошельке у неё было восемьдесят медяков. Почти серебряный.

В полночь, когда последний солдат ушёл, а Яшка спал на лавке у очага, свернувшись под её плащом, — Марина сидела у пламени и смотрела, как оно горит. Ровно, тихо, золотом с голубой каймой.

В дверь постучали.

Не постучали — ударили. Сильно, с размаху. Так, что дверь затряслась на петлях.

И снаружи, сквозь вой ветра, — крик. Хриплый, мужской, срывающийся.

— Открывайте! Именем Северного Рубежа! Открывайте! У нас раненый!

Глава 3. Зверь в клетке

Марина отодвинула засов.

Дверь распахнулась сама — от удара снаружи. В зал вместе с вихрем снега ввалились люди. Шестеро. В чёрных плащах пограничной стражи, с серебряными когтями на плечах. Окровавленные, обожжённые, в изодранной броне. Двое — без шлемов, с волосами, опалёнными до корней.

Они несли носилки.

Не несли — волокли. Вшестером, сгибаясь под тяжестью. Носилки были не обычными — сколоченными наспех из двух копий и щита, обмотанными цепями. Серебряными. Толстыми, в палец. И на носилках, в цепях, — было что-то.

Марина не сразу поняла что.

Сначала подумала — человек. Высокий, широкоплечий, в разорванном чёрном мундире. Потом увидела руки. Пальцы — слишком длинные. Ногти — не ногти. Когти. Чёрные, загнутые, как у орла. По тыльной стороне ладоней, по запястьям, вверх по рукам — чешуя. Чёрная, блестящая, с отливом, как воронёная сталь.

Потом — спину. Из-под разорванного мундира, из лопаток, — что-то торчало. Сложенное, перепончатое, тёмное. Наполовину выросшие крылья.

Потом — лицо.

Человеческое. Наполовину. Резкие скулы, тёмные волосы,

жёсткий рот. Но по левой щеке, по шее, по виску — та же чёрная чешуя. И глаза.

Глаза были открыты. Золотые. С вертикальными зрачками, как у кошки. И в них не было ничего человеческого.

Он рычал. Низко, глухо, непрерывно. Звук шёл не из горла — из груди. Из живота. Будто внутри него ворочалось что-то огромное. Цепи на носилках натягивались, звенели. Серебро — Марина видела — дымилось там, где касалось чешуи.

И от него шёл жар. Как от раскалённой печи. На три шага вокруг снег, влетевший в зал, таял, не долетая до пола.

— Лекаря! — кричал один из стражников. Высокий, рыжебородый, с капитанскими нашивками. — Где лекарь? Мы послали за лекарем!

— Здесь я, — раздался голос от двери. Задыхающийся, старческий.

В зал вбежал старик. Маленький, сухой, в долгополом тулупе поверх лекарской мантии. С кожаной сумкой. Мэтр Ольвин — подсказала память, которой не было: Марина видела его днём на рынке, он покупал травы у той же старухи-горянки.

Он подбежал к носилкам. Посмотрел. Остановился.

Лицо его посерело.

— Выгорание, — сказал он тихо. — Последняя стадия. Зверь… Зверь взял верх. — Он посмотрел на рыжебородого

капитана. — Брант, я ничего не могу. Вы же знаете. Никто не может. Я могу только…

Он не договорил. Открыл сумку. Достал мешочек с белым порошком. Начал рассыпать его на полу вокруг носилок. Кругом. Быстро, точно, бормоча что-то под нос.

Защитный контур. Марина не знала этого, но поняла по тому, как отшатнулись стражники от белой линии на полу.

— Это задержит его, — сказал Ольвин. — Минут на десять. Может, на пятнадцать. Когда зверь окончательно возьмёт тело — он сожжёт цепи. И контур. И нас. — Он поднял глаза на капитана. — И весь город, Брант. Он чёрный дракон. Генерал Северного Рубежа. Сильнейший в Марке. Его пламя…

— Я знаю, какое у него пламя, — сказал Брант. Глухо.

Он стоял над носилками. Смотрел на того, кто лежал в цепях. На золотые глаза без единой мысли.

Потом медленно потянул из-за пояса кинжал. Длинный, узкий, с лезвием, покрытым рунами. Серебряными.

— Приказ из столицы, — сказал он. Голос сорвался. — Если генерал Иссен потеряет разум — ликвидировать. Немедленно. Подпись лорда-инквизитора. — Он посмотрел на кинжал. — Я двенадцать лет служу под ним, Ольвин. Он вытащил меня из-под лавины на Вороньем перевале. На своей спине.

Лекарь молчал.

Стражники молчали. Один из молодых — плакал. Без-

звучно, глядя в пол.

Лорд-инквизитор.

Кассиан.

Марина стояла у очага. И смотрела.

Её не заметили. Никто. Шесть стражников, лекарь, капитан с кинжалом — никто не посмотрел на хрупкую светловолосую женщину в простом платье у очага.

А она смотрела на того, кто лежал на носилках.

На генерала Северного Рубежа Рейнара Иссена. Главу Чёрного Дома. Человека, которого память Элианы помнила по разговорам в столице. Кассиан ненавидел его. Говорил о нём за ужином — с холодной злостью. Выскочка. Варвар. Пограничный пёс, который не кланяется Совету. Единственный дракон в империи, которого Серебряный Дом не смог ни купить, ни запугать.

Сейчас этот человек лежал в серебряных цепях. И умирал.

Нет. Не умирал. Сгорал.

Марина смотрела на него и видела не дракона. Не зверя. Не проклятие.

Она видела то, что двадцать лет видела у себя на кухне. Повара, который работает третьи сутки без сна. Без еды — некогда, банкет на двести человек. Который держится на кофе и злости. А потом — падает. Посреди кухни. Не от болезни. От того, что тело сожгло всё, что у него было, — и

начало жечь само себя.

Жар. Дрожь. Пустые глаза. Рычание из живота.

Голод.

Зверь внутри генерала был голоден. Не в переносном смысле. В прямом. Он жёг пламя — бой за боем, год за годом, — и пламя ело его изнутри. А пищи не было. Не той пищи, которую едят люди. Другой. Той, что могла бы накормить огонь.

Зверь грыз сам себя. Потому что больше грызть было нечего.

Марина посмотрела на очаг. На ровное золотое пламя с голубой каймой. На котёл на крюке — с остатками бульона, двенадцать часов томившегося на этом огне.

На истинном огне.

Она не знала, сработает ли. Она ничего не знала про драконов. Про зверей. Про проклятия и выгорание.

Но она знала, что делать с поваром, который упал посреди кухни.

Накормить. Правильно. Сразу.

Она подошла к очагу. Сняла с крюка котёл. Бульона оставалось немного — на дне, густого, почти тягучего. Двенадцать часов кости отдавали ему всё, что у них было: мозг, хрящи, жир. Он загустел, как кисель. Тёмный, почти чёрный, с золотыми искрами.

Она положила ладонь на чёрный камень. Подумала —

сильнее. Пламя поднялось.

Поставила котёл на огонь. Бросила горсть можжевеловых ягод. Раздавленный дикий чеснок. Щепоть соли. И — последний кусок зайчатины, что остался от ужина. Розовой, нежной, восемь часов томившейся в тёплой воде.

Бульон зашипел. Запах поднялся — густой, острый, тёмный.

Рычание на носилках оборвалось.

Марина не обернулась. Но услышала. Тишину. Внезапную, мёртвую. Как если бы огромный зверь вдруг замер и поднял голову.

Потом — звон цепей. Сильнее. Громче. Носилки дёрнулись.

— Он рвётся! — крикнул кто-то из стражников. — Брант! Цепи!

— Держать! — рявкнул капитан.

Марина налила бульон в глиняную миску. Положила сверху мясо. Пар поднимался от миски густыми клубами — золотыми, будто в нём тоже был огонь.

Она повернулась.

Носилки бились на полу. Шестеро стражников держали их — навалившись всем весом. Цепи звенели, дымились, одна уже лопнула — серебряное звено пролетело через зал и ударилось о стену. Генерал на носилках выгибался дугой. Крылья за его спиной — полураскрытые, перепончатые — били по полу.

И золотые глаза — смотрели на неё. Не на неё. На миску.

Ноздри — раздувались. Рот — приоткрылся. Между губами — клыки. Длинные, острые.

Брант стоял над носилками с серебряным кинжалом в руке. Занёс его. Нацелил — туда, где у дракона между пластинами чешуи на шее бьётся жилка.

Марина пошла к носилкам.

— Стойте, — сказал Ольвин. Испуганно. — Леди, стойте! Контур! Если вы его переступите…

Марина не остановилась.

Белая линия на полу. Защитный круг. Порошок, который Ольвин рассыпал, бормоча заклинания. Марина посмотрела на него. Потом — на свои башмаки. Простые, крепкие, на толстой подошве.

И переступила.

Ничего не случилось. Контур держал зверя внутри. Не людей снаружи.

Жар ударил ей в лицо. Как из открытой духовки. Марина зажмурилась на мгновение. Потом открыла глаза.

Она стояла в шаге от носилок. С миской в руках. Над ней — капитан Брант с занесённым кинжалом. Вокруг — шестеро стражников, вцепившихся в цепи. На носилках — дракон в получеловеческом облике. Золотые глаза. Клыки. Когти, царапающие дерево.

И все смотрели на неё.

На маленькую светловолосую женщину в простом платье.

С миской дымящегося бульона в руках.

Капитан Брант опустил кинжал. На вершок. Не понимая.

— Вы кто? — спросил он хрипло.

— Хозяйка, — сказала Марина. — Это мой постоялый двор.

Она посмотрела на генерала. В его золотые глаза. Звериные, безумные, голодные.

И золотые глаза — Марина видела — смотрели не на неё. На миску. Не мигая. Ноздри раздувались. Рычание — стихло. Почти.

Марина повернулась к капитану.

— Капитан, — сказала она спокойно. Тем голосом, которым двадцать лет говорила на кухне в час пик, когда всё горит, всё рушится, а заказов — триста. — Уберите нож. И подержите ему челюсти. Сейчас он у меня успокоится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Глава 4. Мешок золота

Капитан Брант смотрел на неё секунды три. Потом — на миску в её руках. Потом — на генерала в цепях, который больше не рычал. Замер, не сводя золотых глаз с дымящегося бульона.

Потом медленно, очень медленно убрал кинжал в ножны.

И опустился на колени у изголовья носилок. Положил огромные ладони в латных перчатках на челюсти генерала — сверху и снизу. Не сжимая. Придерживая.

— Ну, — сказал он хрипло. — Давайте, хозяйка. Если он мне руки откусит — вы мне новые купите.

Марина опустилась на колени рядом. Жар от тела генерала бил в лицо, как от раскрытой печной заслонки. Глаза слезились. Она моргнула.

Зачерпнула ложкой бульон. Подула — привычка, от которой не избавиться: двадцать лет пробовать горячее.

Поднесла к губам генерала.

Клыки. Длинные, белые, острые. Между ними — тёмный рот. Губы — потрескавшиеся от жара.

Марина влила бульон.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом генерал глотнул.

Марина почувствовала это — по тому, как дрогнули че-

люсти под ладонями Бранта. По тому, как раздулись ноздри. По тому, как в груди генерала — под разорванным мундиром, под чешуёй — что-то вздрогнуло.

Она зачерпнула вторую ложку. Влила.

Третью.

На четвёртой рычание — то, что ещё глухо ворочалось в его груди, — стихло совсем.

На пятой — золотые глаза моргнули. Медленно. Как у кота, которого гладят.

На шестой — Марина положила ему в рот кусочек зайчатины. Маленький, с ноготь. Он не проглотил сразу. Подержал во рту. Будто пробовал.

Потом — проглотил.

И чешуя на его левой щеке — чёрная, блестящая — дрогнула. По её краю, у виска, проступила полоска кожи. Обычной, человеческой, смуглой.

Кто-то из стражников за спиной ахнул.

— Не останавливайтесь, — шёпотом сказал Ольвин. Старик стоял у самой границы контура, вцепившись в свою кожаную сумку. — Ради всех богов, леди, не останавливайтесь.

Марина не останавливалась.

Ложка. Ещё ложка. Кусочек мяса. Ещё ложка.

Чешуя отступала. Медленно, как отступает вода во время отлива. Со щеки. С шеи. С рук — когти втягивались, укорачивались, становились ногтями. Крылья за спиной — опадали, складывались, уходили под кожу лопаток, оставляя на

разорванном мундире две длинные прорехи.

Жар — уходил. Не сразу. Медленно. Как остывает печь, в которую перестали подкладывать дрова.

На последней ложке золотые глаза закрылись.

Генерал Северного Рубежа Рейнар Иссен лежал на носилках в серебряных цепях. Человек. Высокий, широкоплечий, с короткими тёмными волосами, со шрамом через бровь. Смуглый, обветренный, с резкими скулами и жёстким ртом.

Он дышал. Ровно, глубоко.

Он спал.

В зале «Последнего очага» было очень тихо. Только пламя в очаге — золотое с голубой каймой — горело ровно, без звука.

Марина сидела на полу рядом с носилками. С пустой миской в руках. Руки у неё дрожали — она заметила это только сейчас. Тонкие руки Элианы, которые никогда ничего не держали тяжелее чайной ложки.

Капитан Брант медленно убрал ладони с челюстей генерала. Посмотрел на свои руки. Целые. Посмотрел на генерала. На Марину.

— Хозяйка, — сказал он. Голос был странным. — Что вы ему дали?

— Бульон, — сказала Марина. — Костный. Двенадцать часов на тихом огне. С можжевельником.

Брант смотрел на неё. Не понимая.

Ольвин переступил через свой контур. Встал на колени рядом с генералом. Положил пальцы ему на шею — там, где бьётся жилка. Долго слушал. Потом — ладонь на лоб. Потом — на грудь, туда, где у дракона под рёбрами живёт зверь.

Лицо старого лекаря медленно менялось.

— Спит, — прошептал он. — Зверь спит. Не загнан — спит. Сытый. — Он поднял глаза на Марину. — Леди. Я сорок лет лечу драконов на границе. Я видел девятнадцать случаев выгорания. Девятнадцать. Ни один не вернулся. Ни один. — Голос его дрогнул. — Что это был за бульон?

Марина посмотрела на очаг.

— Не знаю, мэтр, — сказала она честно. — Знаю только, что я варила его на этом огне.

Ольвин повернулся к очагу. Посмотрел на ровное золотое пламя. На чёрный камень в медной оправе. На знаки по краю.

И побледнел ещё сильнее.

— Истинное пламя, — прошептал он. — Мать моя. Это же… Это же истинное пламя. Очажный камень. Я думал, их больше нет. Ни одного. Во всей империи.

Генерал проснулся на рассвете.

Марина не спала. Сидела у очага на лавке, укрывшись плащом. Яшка спал рядом, свернувшись калачиком, — проснулся ночью от шума, увидел дракона в цепях, побелел, но не убежал. Лёг обратно и уснул. Мальчишки с границы,

видимо, ко всему привыкли.

Стражники спали вповалку на полу у стены. Брант — сидя, прислонившись к стене, с мечом на коленях. Ольвин — на соседней лавке, обняв свою сумку.

Цепи с генерала сняли ночью. Брант сам снял — когда Ольвин сказал, что можно. Генерал лежал на носилках, укрытый тремя плащами. Неподвижно.

Потом открыл глаза.

Не золотые. Тёмные. Карие, почти чёрные. Человеческие.

Он смотрел в потолок. Долго. На тёмные дубовые балки. На паутину в углах. Потом повернул голову. Медленно, с усилием.

Посмотрел на очаг. На ровное золотое пламя.

Потом — на Марину.

Они смотрели друг на друга через весь зал. Он — с носилок, бледный, измученный, с глубокими тенями под глазами. Она — с лавки у очага, в простом шерстяном платье, со спутанными светлыми волосами.

— Ты кто? — спросил он. Голос был хриплым, сорванным. Низким.

— Хозяйка, — сказала Марина. — Это мой постоялый двор.

Генерал помолчал.

— Постоялый двор, — повторил он. — «Последний очаг». — Пауза. — Он двадцать лет пустой. Здесь даже крысы не живут.

— Живут, — сказала Марина. — Я видела. Двоих.

Что-то дрогнуло в углу его жёсткого рта. Не улыбка. Тень улыбки.

Потом он попытался сесть. Не смог. Упал обратно на носилки. Выругался — коротко, грубо, по-солдатски.

Брант у стены проснулся мгновенно. Вскочил. Подбежал.

— Генерал!

— Брант. — Иссен посмотрел на него. — Что было?

Капитан рассказал. Коротко. Засада на Вороньем перевале. Стая ледяных тварей — больше, чем ждали. Генерал принял боевую ипостась. Дрался четыре часа. Сжёг всё. А потом — не вернулся. Зверь не отпустил. Они везли его в цепях до Хольмгарда, надеясь на Ольвина. Ольвин сказал — ничего нельзя сделать. Брант достал кинжал.

А потом — хозяйка. С миской.

Генерал слушал, не перебивая. Лицо его не менялось. Только на словах «приказ лорда-инквизитора» — жёсткий рот сжался в тонкую линию.

Когда Брант закончил, генерал долго молчал. Потом снова посмотрел на Марину.

— Бульон, — сказал он.

— Бульон.

— Из чего?

— Из костей, — сказала Марина. — По медяку за ведро. Морковь, репа, лук. Можжевельник. Дикий чеснок. Зайчатина — её поймал вот этот мальчишка. — Она кивнула на

спящего Яшку. — Ничего особенного, генерал. Самые дешёвые продукты на рынке Хольмгарда.

Генерал смотрел на неё. Тёмными, внимательными, тяжёлыми глазами.

— Ничего особенного, — повторил он. — Самые дешёвые продукты. — Пауза. — И двенадцать часов на истинном пламени.

Марина не ответила.

Он встал к полудню. Сам. Отказался от помощи Бранта, отмахнулся от Ольвина. Встал, держась за стену, — высокий, на голову выше любого в зале. Постоял. Подождал, пока перестанет кружиться голова.

Потом подошёл к столу, за которым сидела Марина. Тяжело, медленно.

И бросил на стол мешок.

Кожаный, туго набитый. Он упал на дубовые доски с глухим, тяжёлым звуком. Завязки разошлись. Изнутри посыпались монеты. Золотые. С профилем императора на аверсе.

Марина посмотрела на них. Много. Очень много. Больше, чем Элиана видела за всю жизнь.

— Двести золотых, — сказал генерал. — Мой походный кошель. — Он сел напротив. Тяжело, будто ноги перестали держать. — За то, что я жив.

В зале стало тихо. Стражники, проснувшиеся к тому времени, смотрели на золото на столе. Яшка — с лавки, раскрыв

рот. Ольвин — с открытой сумкой.

Марина смотрела на генерала.

Двадцать лет она торговалась с поставщиками. С арендодателями. С инвесторами. Она знала, как выглядит человек, который платит, чтобы закрыть долг. И как выглядит человек, который платит, чтобы купить.

Генерал платил, чтобы закрыть долг. Чтобы не быть ей обязанным.

— Нет, — сказала она.

Генерал поднял бровь. Ту, что со шрамом.

Марина отсчитала из рассыпавшихся монет пять. Положила перед собой. Остальное — подвинула обратно к нему.

— Пять золотых, — сказала она. — За миску бульона и кусок зайца — дорого. Но ночью, на пороге, при капитане с кинжалом — нормально. — Она посмотрела на него. — Остальное заберите.

— Ты отказываешься от денег? — спросил генерал. Медленно. Будто не верил.

— Я отказываюсь от платы за то, чего не продавала, — сказала Марина. — Я не продавала вам жизнь, генерал. Я продала вам ужин.

Он смотрел на неё. Долго.

— А если я хочу заплатить за жизнь?

Марина подумала.

— Тогда, — сказала она, — заплатите за следующую. Мэтр Ольвин говорит, что ваш зверь сейчас сыт. — Она по-

смотрела на лекаря. Ольвин кивнул. — Но голод вернётся. Через неделю, через месяц. Вы будете драться — он будет голодать. — Она помолчала. — Приезжайте раз в неделю. Обедать. Я буду готовить на этом огне. Вы будете платить — столько, сколько стоит обед. Не больше.

Генерал молчал.

— А это, — Марина постучала пальцем по горке золота у его локтя, — считайте авансом. Если хотите. На полгода вперёд. — Она чуть улыбнулась. — Мне нужна крыша, генерал. И окна. И кухонная утварь. И мука. Без аванса я вас кормить не смогу. Через неделю в этом зале будет сугроб.

И тогда генерал Северного Рубежа Рейнар Иссен, глава Чёрного Дома, сильнейший дракон Марки, человек, которого боялся весь Серебряный Дом, — засмеялся.

Коротко. Хрипло. Будто разучился и вспоминал, как это делается.

Стражники у стены переглянулись. Капитан Брант смотрел на генерала так, будто увидел призрак.

— Аванс, — сказал генерал, отсмеявшись. — На полгода. — Он подвинул золото обратно к ней. Всё. — Двести золотых. Пятьдесят обедов. По четыре золотых за обед. — Пауза. — Дорого?

— Дорого, — сказала Марина. — Но для вас — нормально.

Он встал. Тяжело опираясь на стол. Посмотрел на неё сверху вниз.

— Как тебя зовут, хозяйка?

Марина помолчала.

— Элиана, — сказала она. — Элиана Мейрис.

Что-то мелькнуло в тёмных глазах генерала. Узнавание. Память.

— Мейрис, — повторил он. Медленно. — Жена Тернвальда.

— Бывшая, — сказала Марина. — Три недели как.

Генерал долго смотрел на неё. Потом — на очаг. На чёрный камень. На ровное золотое пламя.

Потом — снова на неё.

— Тернвальд, — сказал он, — выбросил тебя сюда. С этим. — Он кивнул на очаг. — Не зная, что это.

— Не зная, — согласилась Марина.

Генерал помолчал.

Потом развернулся и пошёл к двери. На пороге остановился.

— В субботу, — сказал он, не оборачиваясь. — В полдень. — Пауза. — И, хозяйка. Купи себе нормальный плащ. В этом ты замёрзнешь насмерть до весны.

Он вышел. За ним — Брант и стражники. Дверь закрылась.

Марина сидела за столом. Смотрела на двести золотых монет на дубовых досках.

Яшка слез с лавки. Подошёл. Посмотрел на золото.

— Хозяйка, — сказал он шёпотом. — Это… это всё нам?

Марина положила ладонь на горку монет.
— Нам, Яшка, — сказала она. — На крышу.

Глава 5. Крыша и люди

Сначала — люди. Потом — крыша.

Это правило Марина выучила двадцать лет назад, в бывшей пельменной на окраине. Можно купить лучшую плиту, лучшие ножи, лучшие продукты. Но если на кухне стоят не те люди — ресторан умрёт через полгода. А с правильными людьми можно готовить на костре в чистом поле.

Золото генерала она спрятала в сундук, под бабушкину книгу рецептов. Отсчитала двадцать монет. Положила в кошелёк. Остальное — не трогать. Пока.

Потом спросила Яшку:

— Кто в Хольмгарде умеет строить крыши?

Яшка подумал.

— Дядька Бруно, — сказал он. — Он раньше в гарнизоне плотником был. Ногу ему в бою оторвало. Теперь списанный. Живёт у казармы, в сарае. — Пауза. — Только он пьёт, хозяйка.

— Много?

— Когда работы нет — много. — Яшка пожал плечами. — Когда есть — не знаю. Работы давно не было.

Бруно оказался огромным. Седым, бородатым, с деревянной ногой ниже колена и руками, похожими на лопаты. Сидел на пороге сарая за казармой, на чурбаке, и строгал что-

то ножом. Рядом — пустая бутыль.

Он посмотрел на Марину снизу вверх. На её столичный плащ. На Яшку за её спиной.

— Чего надо, леди?

— Крышу, — сказала Марина. — На «Последнем очаге». Левая половина провалилась. Стропила сгнили. Конёк — тоже.

Бруно хмыкнул.

— Видел. Двадцать лет мимо хожу. — Он сплюнул. — Там всё сгнило, леди. Не крышу надо. Весь верх перекладывать.

— Значит, весь верх.

Бруно посмотрел на неё внимательнее.

— Это работы — на месяц. Брёвна нужны. Доска. Гвозди. Дранка. — Он помолчал. — И помощники. Один я с одной ногой на крышу не полезу.

— Помощников найдёте сами, — сказала Марина. — Платить буду я. Каждому. Каждую неделю. Серебром. — Она помолчала. — Обед — каждый день. Горячий. На моей кухне.

Бруно перестал строгать. Посмотрел на неё долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.